

ЯЗЫЧНИКИ И ХРИСТИАНЕ ГЛАЗАМИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

И.М. Никольский

ОГОВОРКА ИЛИ ИГРА СЛОВ? КАК ХРИСТИАНСКИЙ ИСТОРИК ЛАКТАНЦИЙ ПРЕВРАТИЛ ЯЗЫЧНИКОВ В ВАРВАРОВ ОДНИМ МЕСТОИМЕНИЕМ*

В статье на примере сочинения христианского апологета и историка Луция Фирмиана Лактанция (ок. 260 – ок. 325 гг.) «О смерти гонителей» («*De mortibus persecutorum*») рассматривается проблема эволюции ключевой для самоидентификации римлян терминологии, в частности, развитие и расширение спектра значений понятия «варвар», в условиях легализации христианства (Миланский эдикт Константина Великого) и выхода в связи с этим конфликта между его сторонниками и противниками на новый, более «политизированный» уровень. В достаточно периферийном с точки зрения сюжета отрывке DMP, в котором описывается смерть императора Валериана (253–260), Лактанций дважды подряд употребил одно и то же местоимение *suus* («свой»), сначала по отношению к персам, названным ранее «варварами», а потом по отношению к римлянам. В статье доказывается, что это не было случайной оговоркой, а Лактанций намеренно строил фразу таким образом, чтобы в ней получился двойной смысл, и стремился уравнивать варваров-персов с римлянами-язычниками. В пользу такого предположения приводятся следующие аргументы. Во-первых, классическая античная традиция, на которую опирался Лактанций, – и греческая, и римская – сформировала не только «этническое» или «лингвистическое» значение слова «варвар» – как определение чужого по крови или языку – но и выдвинула его как характеристику человека, чуждого по этическим и ценностным ориентирам. Такие примеры хорошо известны и по риторическим сочинениям (Демосфен, Цицерон, Квинтиллиан), и по античной драме (Еврипид, Аристофан, Менандр), и по поэзии (Гораций, Овидий). С выходом противостояния христиан и язычников в политическую плоскость апелляция к варварству как полемический прием рано или поздно должна была затронуть в эту сферу межрелигиозных отношений. Во-вторых, более ранняя по сравнению с Лактанцием христианская традиция уже намекала на такую возможность – Тертуллиан сетовал

* Статья представляет собой расширенный и дополненный, а отчасти переработанный вариант тезисов, подготовленных к XXVI Чтениям памяти В.Т. Пашуто (Никольский 2014).

вал на то, что римляне-язычники считают римлян-христиан варварами. В-третьих, регулярные контакты персидского и греко-римского миров, взаимопроникновение культовых практик (культ Митры в Риме) привели к тому, что христиане в антиязыческой полемике не видели разницы между «своими» римлянами и «чужими» персами. В-четвертых, известен по крайней мере еще один случай, когда Лактанций, в другом своем произведении, сравнил язычников с варварами. В-пятых, более поздние авторы также использовали слово «варвар» как ключевую характеристику оппонентов в спорах о религии – например, Виктор Витенский. Весьма вероятно, что Лактанций стал первым с момента обретения христианством легального статуса автором, использовавшим изначально «этническую» или «этнолингвистическую» категорию как риторический прием в межрелигиозной полемике – что впоследствии, по мере того как политическая роль христианства росла, получило развитие как практика.

Ключевые слова: язычество, христианство, Лактанций, Валериан, римляне, варвары, персы.

Раннехристианский писатель Лактанций (ок. 260 – ок. 325 гг.) занимает особое место среди своих единоверцев – коллег по творчеству. Помимо трудов общефилософского, богословского содержания (самое известное – «Божественные установления», «*Divinae Institutiones*»), он стал автором памфлета против римских императоров – гонителей церкви, написанного по всем канонам римской политической биографической прозы: сочинений Светония, Аврелия Виктора, SHA. Это произведение известно под названием «О смерти гонителей», «*De mortibus persecutorum*» (далее – DMP).

То, что оно было написано в таком жанре, неслучайно: временем создания DMP считается 314 год, поворотный момент в истории отношений между христианской церковью и властью, когда император Константин Великий (306–337) издал Миланский эдикт, «разрешив» христианство. Это означало для христианских интеллектуалов возможность освоить политическое поле в новом формате, включиться в процесс формирования политической доктрины. Лактанций стал одним из первых авторов, воспользовавшихся такой возможностью, если не сказать, самым первым. В сочинении «О смерти гонителей» он, используя известный по всей предыдущей античной традиции историописания риторический арсенал, выстроил – согласно уже давно сложившимся моделям – ряд из политических деятелей, которых, по его мнению, следовало бы записать в тираны и к примерам которых последующим поколениям не следовало бы обращаться – а также проти-

воположный им образ добродетельного правителя, Константина. Главным критерием отнесения правителей к числу «дурных» для Лактанция служила позиция последних по отношению к христианам. За гонения он включил в число тиранов императоров, живших в I–III вв.: Нерона, Домициана, Деция, Аврелиана, – и некоторых своих современников: Диоклетиана, Максимиана, Галерия, Максенция. Лактанций во всех красках описал, какая страшная смерть ждала каждого из них в наказание за антихристианскую политику; свое место в этом ряду занял и император Валериан (253–260). Автор DMP подробно рассказал обо всех мучениях, которым правитель подвергся в персидском плену, где оказался после неудачного выступления против царя персов Сапора I (Шапура I, 240–272). Когда же Валериан умер, сообщает Лактанций, из его трупа сделали чучело и выставили в храме с идолами – чтобы еще больше унижить и напугать римлян.

Этот эпизод интересен прежде всего даже не в контексте биографии Валериана, о финальном этапе жизни которого существуют разные версии (подробнее см.: Никольский 2015; о ближневосточных мотивах в повествовании о гибели Валериана см.: Woods 2008), а в контексте эволюции представлений ранних христиан о язычниках. И в этом смысле описание, которое дает Лактанций, ценно в первую очередь с филологической точки зрения. Одна из последних фраз в этом описании (DMP 5.6) сформулирована следующим образом:

«Postea vero quam pudendam vitam in illo dedecore finivit, derepta est ei cutis et exuta visceribus pellis infecta rubro colore, ut in templo barbarorum deorum ad memoriam clarissimi triumphi poneretur legatisque nostris semper esset ostentui, ne nimium Romani viribus suis fiderent, cum exuvias capti principis apud deos suos cernerent».

«После того, как он закончил свою презренную жизнь в таком позоре, с него содрали шкуру, вытащили наружу внутренности, покрасили в красный цвет, чтобы выставить в храме варварских богов на память о славнейшем триумфе и всегда показывать нашим послан – чтобы римляне не слишком рассчитывали на их силы, видя внутренности плененного императора у их богов»¹.

На первый взгляд очевидно, что слово *suus* («свой», «их») в этих двух случаях относится к разным субъектам: «их силы», на

¹ Перевод здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, мой. – И.Н.

которые не должны были полагаться римляне («ne nimium Romani viribus suis fiderent») – это силы самих римлян, а «их боги» – это боги персов, о «варварском храме» («templum barbarorum») которых речь шла двумя строчками выше.

Однако такое понимание возможно, только если целиком представлять себе контекст ситуации; если же рассматривать фразу отдельно от него, может сложиться впечатление, что Лактанций под «варварами» имел в виду исключительно римлян, а под «варварским храмом» – римский языческий храм. Именно так это в свое время понял А.В. Мосолкин (см.: Мосолкин 2002. С. 50)².

Вряд ли можно заявлять такое совершенно безапелляционно: главное противопоставление здесь все же «римляне» – «персы», и в слово «варвары» вложен в первую очередь этнический смысл, как и в остальных фрагментах «О смерти гонителей», где это слово возникает (см., например: DMP 4.3).

Тем не менее, вполне правомерен вопрос, насколько осознанно Лактанций допустил саму возможность такой путаницы. Ученик Арнобия³, обладавший хорошей риторической базой, образованием и практикой, заслуживший репутацию «христианского Цицерона»⁴, этот автор вряд ли мог позволить себе случайную оговорку в тексте такого уровня – по сути, в политической декларации. По всей вероятности, он подспудно пытался донести до читательской аудитории дополнительный смысл, в котором термин «варвары» переходил из «этнической» в «этическую», а точнее – в религиозную плоскость.

За приравнением, при помощи местоимения *suus*, варваров-персов к римлянам, могла стоять демонстративная небрежность: дескать, если храм языческий, то нет и большой разницы, персидский он или римский.

На Лактанция в этом смысле могли оказать влияние сразу несколько вещей. Во-первых, формировавшийся столетиями

² Переводчик Лактанция на английский язык Дж. Л. Крид (J.L. Creed) в своей трактовке, напротив, понимает «варварских богов» исключительно как персидских, не оставляя возможностей для альтернативной интерпретации (Creed 1984. P. 11: «...to deter the Romans from being too confident of their own strength, when they saw the remains of their captive emperor on the altar of the Persian gods»).

³ Христианский апологет, живший на рубеже III–IV вв., автор трактата «Против язычников» («Adversus nationes»).

⁴ Лактанций получил такое прозвище в эпоху Возрождения – с легкой руки Иеронима Стридонского, сравнившего писателя со знаменитым оратором (Hier. Epist. 58.10; подробнее об этом: Kendeffy 2015. P. 56).

культурный фон, важной частью которого по крайней мере со времен Геродота было взаимопроникновение элементов в том числе и религиозной сферы между античным и персидским миром (Никольский 2014) – и как результат, развитие культа Митры в Риме (см. о нем, напр.: Clauss 2012; Beck 1998). Во-вторых, уже сложившаяся в среде ранних христиан – и в частности, пишущих ранних христиан – традиция восприятия этого фона. В антиязыческой полемике образы персидских богов, того же Митры, и поклоняющихся им римлян занимали важное место.

Так, Тертуллиан в сочинении «Против Маркиона», рассуждая о суевериях и идолопоклонстве, ставит Митру в один ряд с Юпитером, Юноной, а также египетским Осирисом (Tert. vs. Marc. 1.13.4–5). Он же в произведении «О крещении» («De baptismo») предостерегает читателей от проведения параллелей между культом Митры и христианством, подчеркивая, что сходство между ними возможно увидеть только во внешней, обрядовой стороне (Tert. De bapt. 5). Риторика той же направленности прослеживается и в других сочинениях апологета (Tert. De Praescr. Haer. 40; De corona 15), и не только у него, но и у других раннехристианских богословов: у Оригена (Contra Celsum 1.9) или Юстина Мученика (1 Apol. 66; Dial. 78).

В-третьих, это позиция самого Лактанция по отношению к персам. Автор DMP вполне разделял традиционные для античного Рима ценности, в частности ценность гражданской свободы, а персидский стиль управления, вариант восточной деспотии, считал антиобразцом политической системы, способом государственного устройства, достойным варваров, но не римлян. Отдельной претензией Лактанция к Галерию⁵ было то, что последний относился к римлянам как к рабам – и в этом смысле опирался на опыт персов (DMP 21 2: «Nam post devictos Persas, quorum hic ritus, hic mos est, ut regibus suis in servitium se addicant et reges populo suo tamquam familia utantur, hunc morem nefarius homo in Romanam terram voluit inducere: quem ex illo tempore victoriae sine pudore laudabat». – «Ведь после того, как победил персов, у которых есть такой обряд, такой закон, – что они отдают себя в рабство своим царям, и что цари пользуются

⁵ Современник Лактанция, император (305–311; полное имя Гай Галерий Валерий Максимиан). См. о нем: Prosopography 1971. Vol. 1. P. 574.

своими подданными как рабами, – этот нечестивый человек захотел перенести этот обычай и на римскую землю; безо всякого стыда он хвалил его со времени той победы»).

Отдельно следует сказать об особенностях понимания «варварства» в античной традиции. Для эллинов, а впоследствии для римлян это слово было прежде всего маркером для определения «другого», «чужого», который мог нести в себе как нейтральное (в смысле языковой или этнической разницы), так и оценочное (в основном этического плана) содержание (об истории эволюции термина см. подробнее: Маринович 2006; Буданова 2012). «Чужим» совсем необязательно должен был оказаться не-грек или не-римлянин; достаточно было, чтобы этот персонаж – если говорить о варварах в литературных произведениях – не разделял ценностных ориентиров того или иного автора.

Подобные вещи можно наблюдать уже на примере классической Греции. Еврипид в трагедии «Троянки» устами Андромахи обвиняет в «варварстве» греков, решивших убить ее сына, младенца Астианакта (Eur. Tr. 762–763). В «Облаках» Аристофана Сократ обзывает Степсиада «варваром и неучем», ἄνθρωπος ἀμαθῆς οὐτοσί καὶ βάρβαρος (Arist. Nub. 492). Афинский оратор Демосфен в своей речи против Мидия, выходца из богатого и знатного аттического рода, заявил о «варварском начале его души, враждебном богам» (τὸ τῆς φύσεως ὡς ἀληθῶς βάρβαρον καὶ θεοῖς ἐχθρὸν: Dem. 21.150, перевод В. Боруховича) – и точно такой же риторический прием применил против Аристогитона, назвав последнего «грубым варваром по нраву» (Dem. 26.17: σκαῖος καὶ βάρβαρος τὸν τρόπον). Герой комедии Менандра «Третейский суд» Харисий, в порыве самобичевания (за то, что не простил жену за мнимую, как выяснилось позже, измену) восклицает: «Стал таким я варваром! Таким безжалостным!» (Men. Ep. 888–889: βάρβαρος ἀνηλεῆς τε: перевод Г. Церетели).

В риторике латиноязычных авторов прием записывания оппонента в варвары также со временем обрел популярность. Цицерон в своих выступлениях против Верреса обвинял того среди прочего в том, что ему «одному казался милым и симпатичным <Апроний>, тот, кто другими виделся бесчеловечным и варваром» («qui aliis inhumanus ac barbarus, isti uni commodus ac disertus videretur», Cic. Verr. 2, 3, 9, § 23; «Апроний, забулдыга и невежда в глазах других, одному ему казался приятным и

красноречивым собеседником» – пер. В.А. Алексеева под ред. Ф.Ф. Зелинского); слово «варвар(ский)» здесь выступает как синоним слова «бесчеловечный», никак не характеризую этнической принадлежности. По отношению к тому же Верресу Цицерон использовал выражение «варвар по природе и по нравам» («*barbarus natura et moribus*»), параллельно подчеркивая, что это более сильное состояние, чем варварство «по языку и происхождению» («*lingua et natione*» – Cic. Verr. 2, 4, 50, § 112).

Гораций в «Одах» тоже употребляет слово «варварский» для оценки этических качеств героев, например, «дикой страсти» («*barbaras libidines*») Кекропа, легендарного основателя Аттики (Hor. Carm. 4.12.7, перевод Н.С. Гинзбурга); у него же «варварство» возникает как характеристика грубости в любовных играх (Ibid. 1.13.15 – «*dulcia barbare laedentem oscula*» – «...тому, кто так неистово милый ротик уродует»; перевод А.П. Семенова Тянь-Шанского; буквально сказано: «...тому, кто варварски кусает сладкие губы»). Овидий в «Метаморфозах» назвал «варварским» огонь, которым – руками Энея (праотца римлян!) – был уничтожен город рутулов Ардея («*barbaris ignis*»: Ov. Met. 14.574⁶). Квинтилиан почитал за варварство использование оратором грубой лексики («*is, a quo insolenter quid aut minaciter aut crudeliter dictum sit, barbare locutus existimetur*» – «...тот, кто высказался о чем-то необычным образом, грубо или резко, – считается, что он сказал как варвар»: Quint. 1, 5, 9. Cf. Ibid. 1.6.45: «*Nam ut transeam quem ad modum vulgo imperiti loquantur, tota saepe theatra et omnem Circi turbam exclamasse barbare scimus*» – «Я умалчиваю о дурном языке простого народа; часто по всему театру и от всего собрания раздаются варварские восклицания»: перевод А. Никольского).

С появлением и распространением христианства, с обретением им статуса значимого явления общественной жизни, у которого сформировалась как внушительная группа сторонников, так и внушительная группа противников, известные античной традиции полемические приемы неминуемо должны были войти в число инструментов спора, шедшего между ними. И «варварство», ко вре-

⁶ Разные издатели предлагают разное прочтение этого места: «варварский огонь» в издании Р. Меркеля 1893 г., «варварский меч», *barbarus ensis* в издании Х. Магнуса 1892 г., «Дарданский огонь» у Р. Эвальда (1903) в переработке Э. Рёша (1961). Опиравшиеся на то же издание Р. Эвальда специалисты из университета Вирджинии, издавшие текст Овидия в электронном виде, вернулись к варианту «варварский огонь» (<http://ovid.lib.virginia.edu/metamorphoseonUVA.html>).

менам Тертуллиана (рубеж II–III вв.) понимаемое уже не только и не столько как этническая, сколько как этическая категория, вполне органично вписывалось как в антихристианскую риторику язычников, так и в антиязыческую – христиан. Неслучайно христианский апологет от лица единоверцев заявляет, что «мы оскорбляем римлян и не считаемся римлянами, потому что мы почитаем не римского бога» (Tert. Apol. 24 9: «Sed nos soli arcemur a religionis proprietate. Laedimus Romanos nec Romani habemur, qui non Romanorum deum colimus»: перевод Н.Н. Щеглова). С другой стороны, Лактанций в своих «Божественных установлениях» оценил язычников, практикующих человеческие жертвоприношения, «хуже варваров» (Lact. Div. Inst. 1.21.1–6 – особенно 4: «Quid a diis boni precantur, qui sic sacrificant? Aut quid tales dii hominibus praestare possunt, quorum poenis propitiantur? Sed de Barbaris non est adeo mirandum, quorum religio cum moribus congruit. Nostri uero, qui semper mansuetudinis et humanitatis gloriam sibi uindicarunt, nonne sacrilegis his sacris immaniores reperiuntur?» – «О чем добропорядочный человек может попросить богов, которым приносят такие жертвы? И чем такие боги могут произвести на людей впечатление выдающихся, умиливляясь муками последних? Но для варваров, у которых религия соответствует нравам, это не столь удивительно. Наши же [соотечественники], приписывающие себе постоянно в заслугу мягкость и человечность, не оказываются ли еще ужаснее благодаря этим святотатственным жертвам?»): перевод В.М. Тюленева, отредактирован мной. – *И.Н.*)

Интересно, что со временем, когда проблема противостояния язычества и христианства в империи утратила свою актуальность, апелляция к варварскому характеру оппонента использовалась как риторический прием уже во внутрехристианской полемике, например, в конфликте между арианами и исповедующими ортодоксальное (никейское) христианство. Наиболее известный такой пример – «История гонений» Виктора Витенского (конец V в.), описавшего репрессии вандалов-ариан против католиков-римлян в вандалском королевстве (бывших африканских провинциях Рима).

«Если исполненный жестокости варвар озаботился тем, чтобы провести с нами спор о вере, и еретик-арианин спорил бы с нами рассудительно – но разве соответствует рассудку эта ересь, которая отделяет от Бога-Отца Бога-Сына, Спасителя?» – таким риторическим вопросом задается автор в конце своего труда («Si disputare nitebatur de fide nobiscum barbara ferocitas, et haeresis Arriana rationabiliter disputaret – sed quando tenuit rationem, quae a

patre deo deum filium separat salvatorem?» Vict. Vit. III.63: перевод И.А. Копылова; цит. по: Копылов 2007. С. 306). Германское происхождение критикуемых вандалов играет на руку автору, желающему подчеркнуть их дикость и жестокость (Ср.: Vict. Vit. I.7, I.9, – «barbarus furor», «варварская дикость»; I.25, – «barbari mores», «варварский обычай») – но лишь как дополнительный показатель. На первом месте для Виктора стоит конфессиональная принадлежность тех, кого он обличает: варвар, отказавшийся от арианства, перестает быть варваром, а поддерживающий ортодоксальных христиан (иногда ценой карьеры и жизни) – удостоивается почестей и эпитета «блаженный» (напр., Армогаст – «beatus Armogas»: Vict. Vit. I.45. См. также: Копылов 2007. С. 308).

В контексте описанных Лактанцием событий интересно и еще одно значение «варварства», известное по классической античной традиции. Аристотель приравнивает это состояние к рабству (Ar. Polit. 1. 1252b 9: ὡς ταὐτὸ φύσει βάρβαρον καὶ δοῦλον ὄν – «“варвар” и “раб” по природе своей явления тождественные...»); Ср. Ibid. 3. 1285a 20: γὰρ τὸ δουλικώτεροι εἶναι τὰ ἤθη φύσει οἱ μὲν βάρβαροι τῶν Ἑλλήνων – «...по своим природным свойствам варвары более склонны к тому, чтобы переносить рабство, нежели эллины...», перевод С.А. Жебелева, сверен А.И. Доватуром). Валериан в этом смысле – с учетом подобных параллелей – оказывается «перевертышем», представителем античного мира, попавшим в плен к варварам. Лактанций описывает этот случай как нечто совершенно непредставимое и уникальное: «Бог поразил его новой и неповторимой карой» («illum deus nouo ac singulari roeuae genere adfecit»), – отмечает автор DMP: (DMP 5.1). Римский император мог погибнуть в битве, но рабство – исключительная ситуация, беспрецедентное унижение для всех римлян, явление, опустившее их на один уровень с варварами, которые сами «по природе скорее рабы». Аристотелевское понимание «варварства» как «рабства» можно считать еще одним аргументом в пользу того, что в рассматриваемом фрагменте Лактанций приравнивает римлян к персам в смысле их «варварства».

Все это по крайней мере косвенным образом свидетельствует о том, что выражение «варварские боги» в сочинении Лактанция могло относиться не только к персидским, но и к римским богествам. Вряд ли автор приравнивал их друг к другу специально, но показать, что они для него находятся на одном уровне – явлений чуждых и презираемых – мог вполне.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Apol. – *Justinus*. *Apologia I* // *Die ältesten Apologeten*. Göttingen, 1915. S. 26–77.
- Буданова В.П. Варвары и варварство в антропологии цивилизаций // *Цивилизация и варварство*. М., 2012. С. 10–46.
- Копылов И.А. «Римский миф» и проблема этноконфессиональной самоидентификации населения вандальской Африки // *Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории*. М., 2007. Вып. 21. С. 292–321.
- Маринович Л.П. Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // *Античная цивилизация и варвары*. М., 2006. С. 5–29.
- Мосолкин А. В. Понятие *barbarus* у ранних римских писателей (анализ источников) // *Античный мир и археология*. 2002. Вып. 11. С. 47–51.
- Никольский И.М. Как язычники превратились в варваров: образ врага у христиан эпохи заката Римской империи (по данным *De mortibus persecutorum* Луция Фирмиана Лактанция) // *ВЕДС-XXVI. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза*. М., 2014. С. 202–207.
- Никольский И.М. Смерть как средство политической пропаганды: гибель императора Валериана в описании римских историков // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2015. Т. 6. Вып. 1(34). [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000966-1-2>.
- Ar. Polit. – Aristotle's *Politica* / Ed. W.D. Ross. Oxford, 1957.
- Arist. Nub. – *Aristophanes*. *Nubes* // *Aristophanes*. *Comoediae* / Ed. F.W. Hall and W.M. Geldart. Oxford, 1907. Vol. 2.
- Beck R. The Mysteries of Mithras: A New Account of Their Genesis // *The Journal of Roman Studies*. 1998. Vol. 88. P. 115–128.
- Cic. Verr. – *Cicero*. *M. Tullius*. In *Verrem* // *M. Tulli Ciceronis Orationes*. III. 2-nd ed. / Rec. W. Peterson. Oxford, 1917.
- Clauss M. *Mithras: Kult und Mysterium*. Darmstadt, 2012.
- Contra Celsum – *Origenes*. *Contra Celsum Libri VIII*. Leiden, 2001.
- CSEL – *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum*.
- Dem. – *Demosthenis Orationes* / Ed. S.H. Butcher. Oxford, 1903.
- Dial. – *Iustini Martyris Dialogus cum Tryphone* / Ed. M. Marcovich (*Patristische Texte und Studien* 47). B.; N.Y., 1997.
- DMP – *Lactantius*. *De mortibus persecutorum* / Ed. & trans. J.L. Creed. Oxford; N.Y., 1984.
- Eur. Tr. – *Euripides*. *Troades* // *Euripidis Fabulae* / Ed. G. Murray. Oxford, 1913. Vol. 2.
- Hier. Epist. – *St. Eusebii Hieronymi Epistulae* (Pars 1. Epistulae 1–70) // CSEL. Wien; Leipzig, 1910. Vol. 54 / Ed. I. Hilberg.

- Hor. Carm. – *Q. Horatius Flaccus*. Carmina // Horace Odes and Epodes / Ed. Ch.E. Bennett. Boston, 1901. P. 1–157.
- Kendeffy G. Lactantius as Christian Cicero, Cicero as Shadow-like Instructor // Brill's Companion to the Reception of Cicero / Ed. W.H.F. Altman. Leiden; Boston, 2015. P. 56–92.
- Lact. Div. Inst. – *Lactantius*. Divinae Institutiones // CSEL. Prag; Wien; Leipzig, 1890. Vol. 19/2 / Ed. S. Brandt.
- Men. Ep. – *Menander*. Epitripontes // Menander / Ed. W.G. Arnott (Loeb Classical Library). Cambridge, 1979. Vol. 1. P. 379–526.
- Ov. Met. – *P. Ovidii Nasonis* Metamorphoses / Ed. R. Ehwald, E. Rösch. Berlin; München, 1903/1961; Ed. H. Magnus. Gotha, 1892; Ed. R. Merkel. Leipzig, 1893.
- Prosopography of the Late Roman Empire / Eds. A.H.M. Jones, J.R. Martindale, J. Morris. Cambridge, 1971. Vol. 1.
- Quint. – *Quintilianus*. Institutio Oratoria / Ed. H.E. Butler. Cambridge, 1920. Vol. 1.
- Tert. Apol. – *Tertullianus*. Apologeticus / Ed. T.R. Glover (Loeb Classical Library). Cambridge, Mass., 1931.
- Tert. De bapt. – *Tertullianus*. Liber de baptismo / Ed. E. Evans. L., 1964.
- Tert. De corona – *Tertullianus*. De corona / Ed. J. Fountaine. P., 1966.
- Tert. De Praescr. Haer. – *Tertullianus*. De praescriptione haereticorum / Ed. R.F. Refoulé (Sources Chrétiennes 46). P., 1957.
- Tert. vs. Marc. – *Tertullianus*. Adversus Marcionem / Ed. E. Evans. Oxford, 1972.
- Vict. Vit. – *Victoris Vitensis* Historia Persecutionis Africanae Provinciae Per Geiserici et Hunirici regum Wandalorum / Ed. K. Halm // MGH AA. B., 1961. T. 3/1.
- Woods D. Lactantius, Valerian and Halophilic Bacteria // Mnemosyne. 2008. Vol. 61. P. 479–481.

Ivan M. Nikolsky

LAPSUS LINGVAE OR PLAY OF WORDS? HOW THE CHRISTIAN WRITER LACTANTIUS MADE PAGANS BARBARIANS WITH ONLY ONE PRONOUN

In the article on the example of the work by Christian apologist and historian Lucius Firmianus Lactantius (ca. 260 – ca. 325) *On the Deaths of Persecutors* (*De mortibus persecutorum*, DMP) the problem of evolution of the most important for the Romans' self-identification terminology is studied, particularly enlargement and extension of the variety and spectrum of meanings, that the

term 'barbarian' had, in the age of legalization of Christianity (the Edict of Milan signed by Constantine the Great), and of the appearance of the new, more 'politicized' level of the conflict between its protagonists and opponents. In this rather peripheral for the storyline fragment of DMP, in which the death of the emperor Valerian (253–260) is described, Lactantius used one and the same pronoun *suus* (its), two times in one sentence, at first designating Persians, called 'barbarians' before, and then designating Romans. It's argued in the article that it was not a faux-pas word here, but Lactantius willfully structured the phrase in such a manner, in order to give it double meaning, and tried to equalize Persians the barbarians with Pagan Romans. For this hypothesis sequent arguments are made. In the tradition of classical antiquity – so Greek, as Roman – on which Lacatantius drew – not only special 'ethnic' or 'linguistic' contexts of the word 'barbarian' had been formed, but it had been used also for characterization for the 'alien' in the sense of ethical viewpoints and moral values. Such cases are well-known due to the orations (Demosthenes, Cicero, Quintilian), dramas (Euripides, Aristophanes, Menander) and poetry (Horace, Ovid). With coming of the conflict between Christians and Pagans to the political field appellation to the 'barbarity' as the argument in polemics sooner or later should appear in the sphere of interfaith relations. The earlier, in comparison with Lactantius, Christian tradition had indications, showing such a possibility. Tertullian complained about that Romans that were Pagans think of the Christian Romans as of the barbarians. Frequent contacts between Persian and Graeco-Latin world, convergence of the practices of the religious worship (the Roman cult of Mithras) resulted in a situation when Christians in their contra-Pagan polemics didn't make the difference between 'friendly' Romans and 'alien' Persians. There is at least one more case, that is known, when Lactantius, in another his work, compared Pagans with barbarians. The later authors also used the word 'barbarian' as the distinctive characteristic of their opponents in the disputes over questions of religion – for example, Victor Vitensis. It's very probable, that Lactantius was the first from the time of 'legalization' of Christianity, who used primarily 'ethnic' or 'ethnolinguistic' category as rhetorical instrument in interfaith polemics – that later, as the political role of Christianity grew, became widespread as practice.

Key words: paganism, Christianity, Lactantius, Valerian, Romans, barbarians, Persians.